

УДК 82:398

С.С. Динисламова

Система художественных образов в творчестве Ювана Шесталова: образ лирического героя, образ матери

Аннотация. В каждом произведении Ювана Шесталова представлена целая система художественных образов. Через сознание, душевные переживания и мысли героев писатель представляет явления и факты действительности, раскрывая тем самым свою идейно-нравственную программу на том или ином этапе творческого пути. Хотя в своем исследовании мы рассматриваем лишь образ лирического героя и образ матери, следует отметить, что в многогранном творчестве Шесталова все образы связаны и переплетены между собой, они выражают и раскрывают в итоге целостную картину жизни родного народа с его бытом, традициями, культурой.

Ключевые слова: Юван Шесталов, художественный образ, манси, лирический герой, образ матери.

S.S. Dinislamova

The system of artistic images in the works of Yuvan Shestalov: lyrical image, the image of the mother

Abstract. In each Yuvan Shestalov's works presented the whole system of artistic images. Through the consciousness, sincere experiences and thoughts of the characters author presents facts and phenomena of reality, revealing ideological and moral program in one or another stage career. However, in our study we consider only the lyrical image and the image of the mother, it should be noted that in the multifaceted creativity Shestalov all images are linked and intertwined. In the end the images reveal a complete picture of life of the native people to his way of life, traditions and culture.

Keywords: Yuvan Shestalov, artistic image, Mansi, lyrical image, the image of the mother.

В аспекте литературы, как вида искусства, художественный образ – это центральная категория (а также символ) литературного творчества. Он выступает универсальной формой освоения жизни и одновременно методом ее постижения. В художественных образах осмысливается общественная деятельность, конкретно-исторические катаклизмы, человеческие чувства и характеры, духовные устремления. В этом аспекте художественный образ не просто заменяет обозначаемое им явление или обобщает его характерные черты. Он повествует о реальных фактах бытия, познает их во всем многообразии, проявляет их сущность.

Система образов – совокупность литературных героев в художественном произведении, их взаимодействие между собой, а также их роль в сюжете произведения и раскрытии авторского замысла.

В многогранном творчестве Ювана Шесталова, в каждом его произведении представлена целая система художественных образов. Через сознание, душевные переживания и мысли героев писатель представляет явления и факты действительности, раскрывая тем самым свою идейно-нравственную программу на том или ином этапе творческого пути.

Через все творчество писателя проходят образ лирического героя и образ матери. Остановимся подробнее на этих образах, проследим их развитие в творчестве Ювана Шесталова. Прежде отметим, что характерной чертой творчества писателя является автобиографизм. Венгерская исследовательница Каталин Надь пишет об этом: «Подчиняясь законам этой автобиографии и законам своего вдохновения, он трансформирует содержание, форму и методы, с помощью которых он подни-

мает своих читателей до самых высоких сфер философии и погружает в самые глубокие области души, в царство древних мансийских сокровищ и мир универсальных человеческих ценностей» [1, 513]. Автобиографичность во многом определила повествовательную манеру писателя, повлияла на композиционную структуру произведений.

Изучение образа лирического героя и образа матери в творчестве Ювана Шесталова позволяет говорить и об образе самого автора в контексте системы его взглядов, мировоззрения, мироощущения, в аспекте его творческого мышления. Мы обращаем внимание на личную сопричастность Шесталова ко всем явлениям быта и бытия народа, глубокое погружение в жизненный материал и освещение его как бы изнутри. Мы отмечаем, что с первых произведений Ю. Шесталов использует свою биографию не только как фабулу, но и как источник мотивов, тем. На примере последовательно выбранных эпизодов биографии писателя, на примере отдельных эпизодов его творческого пути нами раскрывается и его художественная эволюция. Лиричность произведений способствует раскрытию внутреннего мира героя-автора.

В лирике система художественных средств всецело подчиняется раскрытию цельного движения человеческой души. Она не замыкается в сфере внутренней жизни человека, его психологии. Ее неизменно привлекают душевные состояния, знаменующие сосредоточенность человека на внешней реальности. И, хотя лирика тяготеет главным образом к малой форме, мансийскому писателю удалось ее воплотить и в поэзии, и в прозе. С его творчеством связано возникновение лирической прозы в молодых литературах Севера, Сибири и Дальнего Востока. В прозе Шесталова организующим смысловым и композиционным центром служит герой-повествователь. Через него сообщаются читателю события и поступки персонажей, фиксируется ход времени, изображается

облик действующих лиц. При этом сам автор является главным участником событий. О герое-повествователе можно говорить как о лирическом герое – художественном «двойнике» автора-писателя. Через его сознание, душевные переживания и мысли писатель представляет явления и факты действительности. Учитывая лиричность прозы Шесталова, повествователь сравним с лирическим героем. В исследовании, на примере последовательно выбранных эпизодов жизни героя, нами раскрывается творческий поиск Шесталова в период создания той или иной повести, а в сопоставлении образа – эволюция художественного мира писателя. Внимание уделено повестям «Синий ветер каслания» (1964), «Когда качало меня солнце» (1972), так как в последующих отмечается повторение тем и образа героя. Также остановимся на повести «Тайна Сорни-Най» (1976), написанной Шесталовым от третьего лица. И хотя о ее главном герое мы не можем говорить как о лирическом, интересно то, как писатель раскрывает этот образ. В первых повествованиях его современный герой, пусть и сомневаясь, все же «тянется» к своему традиционному, в третьей повести автор «выпускает» его в цивилизованный мир.

Итак, романтическую природу художественного мышления, как писателя, так и его героя определила эпоха 1960-х годов. Его лирический герой активен, деятелен. В повести «Синий ветер каслания» это молодой учитель. После завершения учебы он возвращается в родное село. Возвращаются в родные места далеко не все. Почему так происходит? Ответ на свой вопрос Шесталов как раз и раскрывает через размышления героя. Для этого его образ он представляет противоречивым, не определившимся до конца, борющимся с пережитками прошлого. Через долгие размышления героя писатель показывает, как непрост путь от «тысячелетнего сна» к современной действительности. Отсутствие ложной экзотики придает особую значительность наблюдениям и раздумьям ге-

роя. Все новое он связывает с городом, школой, цивилизацией, в которых видит много положительных моментов, но достаточно и отрицательного. Отрицательное и положительное писатель находит и в традиционным национальным укладе жизни, и в обычаях и обрядах, в мировоззрении, то есть в истоках народности, самобытности.

Лирическое звучание повести идет от любовных описаний поэтом природы родного края, его раздумий о жизни, о собственном детстве, жизни народа. Все описания и размышления пронизывает главный вопрос, который является идейным центром повести – вопрос о будущем оленеводства, шире – о судьбе народа манси.

Фабула повести состоит из эпизодов: первое пробуждение героя в чуме, его падение с нарт, ночевка в снегу, сражение с волками, приезд врача Арсентия, болезнь Мань-пыга, бегство Сильки, переправа, организация Красного Чума, прилет на вертолете секретаря райкома комсомола Ай-Теранти, кинофильм о Ленинграде, медвежий праздник, новорожденный олененок. Все эти события мы видим равнодушными глазами лирического героя, воспринимаем его чувства и мысли. Например, таким предстало перед героем первое утро каслания: «Сегодня мне тяжело. Какая-то пустота в душе и сердце. Кажется – все в прошлом. Кажется – все в будущем. Мне холодно и одиноко. Не вернуться ли сегодня, пока не поздно, назад, не заняться ли привычным делом?» [2, 326]. Удивляясь спокойному сну всех присутствующих в чуме, раздраженный герой начинает философствовать: «Вот передо мной лежат люди, которые, может быть, каждое утро испытывают эти же ощущения и не замечают их. Разве они не люди? Нет, они такие же как и все. На одном языке нам пели песни наши мамы. Мы – люди одного племени» [2, 328]. Чуть позже, когда люди в чуме уже встали, поели, повеселели, герою жизнь в каслании показалась родной и близкой. Он восклицает: «Кажется, дышал я тысячу лет этой жизнью, кажется, и сов-

сем не жил я. И потому чувствую себя так, как будто текут во мне две бурные речки» [2, 331].

Таким в начале повести предстает лирический герой. Его душевные движения, перепады настроения, сомнения кажутся очень достоверными. В этом, несомненно, заслуга писателя. Он представляет героя носителем более высокой и передовой культуры, чем основная масса манси. Сам герой осмысливает свое отличие от соплеменников.

Противоречивость образа лирического героя вызвала в свое время в литературной критике бурное обсуждение. Так К.Л. Зелинский объясняет это противоречие: «Чем отличается «Синий ветер каслания» от, допустим, «Детства Тарабукина»? Тем, что это уже взгляд на первобытную жизнь глазами горожанина. Поэтическое отношение к своему народу и его быту уже борется у Ю. Шесталова с новыми привычками горожанина» [3, 105]. «Раздвоение» личности героя и самого автора справедливо охарактеризовала Г.А. Черная: «Стремясь понять характерные черты родного народа, лирический герой Шесталова смотрит на жизнь и быт манси как представитель иного уклада. И в этом новаторство образа» [4, 139].

Шесталов – человек с пронизательным умом, внук шамана, обладающий пророческим даром. Он предвидел день сегодняшний, ведь во время создания первой повести еще можно было в полный голос утверждать о наличии у народа традиционного мировоззрения, образа жизни. Творческий поиск Шесталова «предопределил» события, что и вызвало споры в литературной критике 1970-80-х годов: невозможно человеку, выросшему в традиционной среде, так скоро отвергнуть ее составляющие и в корне изменить мировоззрение – стать человеком нового мышления. Сегодня, когда безвозвратно нарушены традиционные устои, когда происходит духовное обнищание, когда основная масса молодежи мыслит как герой повести «Синий ветер каслания», внутренние противоречия героя

остались бы незамеченными критикой.

Рассмотрим эпизод повести о кинофильме про Ленинград, раскрывающий мир самого писателя – его впечатления об этом городе. Сначала город показался ему «жестоким и некрасивым», когда же он встретил свою возлюбленную, солнце улыбнулось ему как в детстве, город стал «светлее и просторнее». Мир раздвинул свои границы, и Шесталов обращается к Ленинграду: «Я слушал сердце Блока и чувствовал себя. Я – человек <...> А что, если послушать себя, свое сердце? Я – северянин, у меня возникают мысли, которых, может быть, у других нет. Даже у Блока. А если все перенести на бумагу? И она, быть может, заговорит языком моего маленького народа. Я стал вслушиваться в себя» [2, 423]. Писатель благодарен каменному городу, который помог северянам сделать то, чего они не могли раньше: писать книги, рисовать картины, «говорить голосом учителя перед любознательными детьми», почувствовать красоту родных языков. Северяне стали чаще спрашивать себя: «Кто мы?»

Противоречивы размышления лирического героя о жизни оленеводов, они ему кажутся странными, словно пришли с другой планеты. Как они могли остаться такими? Герой обеспокоен этим вопросом, он не может понять, почему кочевые оленеводы отстали от своих сородичей «словно на целое столетие» [2, 426]. В дальнейшем, окунувшись в жизнь каслания, герой уже удивляется силе и мужеству оленеводов: «А какой он, этот человек-олeneвод? Не из камня ли он вытесан, не из льда ли он слеплен, не северными ли ветрами он на свет рожден? Для меня это порою тайна» [2, 458]. Прозрение героя происходит в родной, традиционной среде. Так писатель рассказал историю духовного возвращения горожанина к жизни кочевья.

Нами рассмотрены три эпизода, раскрывающие воззрения героя на окружающую действительность. Герой – открытый и доверчивый человек, выросший в деревне. Он погружен в стихию фольклорных

образов, воспринимает жизнь с точки зрения народных представлений и идеалов. Мир природы представлен гармонично, ибо с ней согласуется строй души лирического героя. Неизменным остается одно: герой смотрит на мир глазами современного человека. В течение всего времени он, хотя и привыкает к жизни в каслании, но привычной для него является лишь природа края. Достоинство пройти испытание в каслании герою помогают родные и знакомые ему люди. В эпизоде, воспоминаниях героя о Ленинграде, приятие города также происходит через общение с близким человеком – любимой девушкой. Таким образом, чувства уважения и любви к близким людям окрыляют поэта, меняют его мировосприятие.

Также в повести через образ лирического героя писатель «вслух» осмысляет многие моменты жизни манси, связанные с бытом, обычаями, обрядами, национальным характером. Данный прием необходим ему для раскрытия себя, как представителя северного народа. В повести лирический герой решает, что из традиций и обычаев ему, молодому интеллигенту, надо брать в жизнь, а что – нет. Подобная проблема, как известно, перед Шесталовым стояла в 1960-х годах. Возможно, К.Л. Зелинский прав, когда пишет, что пером писателя движет переживание об отсталости народа и стремление помочь ему «стать с веком наравне». Такое стремление было свойственно многим писателям-северянам. Их творчество соответствовало духу времени, а тема родины (родного края, народа) была одной из основных.

Между повестью «Синий ветер каслания» и повестью «Когда качало меня солнце» пролегло почти десятилетие. Во второй повести Шесталов обращается к истокам собственной биографии, задумывается над исторической судьбой народа, вглядывается в его настоящее и будущее. Несмотря на эпическую широту замысла, повесть имеет лирический характер, в ней два плана: лирический и эпический. Панорама истории разворачивается как па-

норама души самого автора.

В повести два героя: автор и Солвал, у каждого из них своя собственная песня-сюжет. Тэрнинг-эрыг (героическая песня) сына (автора, лирического героя) – продолжение песни отца; связь времен прочная – и генетически, и исторически. Повествование необычайно лирично и поэтично: голосом лирического героя говорит настоящий хозяин Югры: «Тайга моя, разрисованная следами зверей, наполненная писком и пением птиц, ты так прекрасна!» [5, 109].

Герой рассказывает о себе. Получив телеграмму о болезни отца, он вылетает в родную Сосьву. В пути выясняет, что отец здоров, телеграмму брату отправила соскучившаяся сестра, герой «встречается» с детством, вспоминает родных, слушает исповедь отца и сам исповедуется перед ним, возвращается в Ленинград просветленным и умудренным. На примере воспоминаний прослеживается формирование мировоззрения лирического героя. Оно связано с миром природы, сказками бабушки и дедушки, домашними духами, «важно и чинно сидящими среди шкурок куниц, соболей в сундуке бабушки».

Тэрнинг-эрыг Солвала – главная в повествовании. Солвал хочет быть умным, находчивым, как Эква-пыгрись. Шесталов мастерски, искусно передает состояние его души, внутренний мир вчерашнего батрака – охотника, рыболова, таежного человека. Художественный мир повести – мир, увиденный глазами этого человека, мир, осознанный его умом и воображением. Насыщенность повести сказками, песнями, преданиями говорит об опыте народной жизни. К этому опыту постоянно обращается человек, лишенный литературно-письменных традиций. Через них он приобретает и социальный опыт, сверяя чувства и мысли со сказкой. Эти переходы в сознании героя от действительности, ставящей перед ним вопросы, к фольклору переводят повествование в обобщенно-философский план. Шесталов рассказывает о социальном прозрении героя, прослежива-

ет извивы и повороты его сознания: «Кто такой Революца? Если человек, то какие у него глаза, руки, голова? Если дух, то какой дух? Черный или белый? Злой или добрый? Какую жертву он просит? Кто такой Революца? Неужели и вправду этот дух – красный? Разве такой бывает? Никогда не было такого духа! В видениях шаманов не видано, в сказках, былинах не слышано» [5, 110]. Так размышляет Солвал, пытаясь осмыслить перемены в своей жизни и жизни народа. В новой жизни его мечта о всеобщем счастье, «когда жены, как икряные нельмы, будут полны и плодовиты, лес даст мясо всем в избытке, реки – рыбу золотую» [5, 120].

Основная идея повести построена на привычных любому манси образах: «Изгони из сердца слабость, не бойся испытаний как храбрый воин. Валяться на шкурах в чуме, есть оленину и рыбу, запивать все теплой кровью – и глупец умеет» [3, 97]. Проблематика повести определяется напряженными философскими раздумьями о жизни и человеке в современном мире.

В повести «Когда качало меня солнце» образ лирического героя раскрывают сын и отец, сначала прослеживается песня сына, затем песня отца. Несмотря на такую последовательность, предстает единый образ отец-сын и прослеживается единое мировоззрение целого народа. Достигнуто это тем, что вехи жизни отца вплетены во внутренний монолог писателя. Думая о Солвале, с нежностью и любовью вспоминая мать, свои детские годы, автор подчиняет эти думы главной лирической теме повести, рожденной чувством кровной причастности к жизни своего народа. Отсюда такое признание: «Какая тайна в ней заключена? Чем я околдован? Какой дух не дает мне покоя? Что меня волнует и нагоняет думу за думой? Может, судьбы людей помогут мне понять себя и мир?» [5, 130]. Вопросы писателя наводят на мысль об его избранничестве. У народа манси «на слуху» старинное высказывание: «Торум йис тэлы, тонт лавегын» («Эра Космоса настанет –

тогда скажешь»). В каждом последующем поколении «избранным» «свыше» дается право рассказывать, передавать другим какие-либо особенные сведения, информацию. В 1960-90-е годы устами Шесталова широкому кругу людей должна была раскрыться «душа» народа манси, его жизнь, история, традиции. После 1990-х «подготовленный» его творчеством читатель должен узнать философию древнего народа, это и проповедует Шесталов в настоящее время через своего лирического героя в пока еще незавершенном романе-камлании «Откровение Крылатого Пастэра».

Сопоставив героев Шесталова в повестях «Синий ветер каслания» и «Когда качало меня солнце», выделим закономерности эволюции единого образа лирического героя. В первой повести герой, оказавшись в непривычных для себя условиях, размышляет о жизни народа. Ему свойственны душевные сомнения, перепады настроения. Он осмысливает свое отличие от соплеменников. Во второй повести образ лирического героя, объединивший отца и сына, раскрывает историю народа манси уже двух поколений. Мы наблюдаем за стремительными изменениями в сознании манси с до-революционного времени до наших дней. Проблематика повести раскрывается через «щемящую и счастливую песню» Солвала, через напряженные философские раздумья автора о жизни и человеке в современном мире. Во второй повести с наступлением творческой зрелости у писателя растет масштаб исследовательских устремлений. На смену «размышляющего» современного манси приходит новый герой, который раскрывает собственные истоки и корни, думает над судьбой народа, вглядывается в его настоящее и будущее.

В повести «Тайна Сорни-Най» манси Сергей Лугуй мечтает о подвиге, он создает своими руками новое и дарит людям «огонь и тепло земли». Герой считает себя наследником комсомольских традиций. Его история жизни – мучительное освобождение от пережитков прошлого во имя утверждения нового в самом себе и в окру-

жающей жизни. Возможно, поэтому автор делает слабой мотивацию некоторых поступков Сергея. После встречи с Венькой он легко бросает институт, затем совершает святотатство – выдает тайну капища; он равнодушен к предупреждающему голосу предков, но послушен «другому, книжному голосу», который твердил обратное. Для Сергея идеалом является новый современный человек, он всю жизнь стремится быть похожим на своего русского друга. Писатель, чтобы доказать, что его герой состоялся как личность, в конце повествования представляет его перед священным судьей – медведем: «Для древнего манси медведь был судьей, посланным на землю создателем мира Торумом, чтобы наказывать людей, провинившихся против чести. Честь. Принес ли ее Сергей, эту высокую человеческую обязанность с честью? Или где-то, в чем-то дал маху? Перед ним стоял сам судья тайги» [6, 171]. Судя по поведению медведя (тот не тронул Сергея), герой как личность состоялся.

Как видим, в повести «Тайна Сорни-Най» у Шесталова герой предстает уже в ином образе. Вехи времени определили его обращение к современной профессии. Писателем раскрывается формирование «нового» человека Севера. Начиная с первых лет освоения Севера, многие манси стали нефтяниками и газовиками. Например, в поселке Хулимсунт Березовского района все трудоспособные коренные жители работают на компрессорной станции. Работа на производстве не стала препятствием для их традиций: они совершают обряды, придерживаются многих обычаев, занимаются охотой, рыбалкой. Отличие этих людей от героя Шесталова состоит лишь в том, что путь Сергея в профессию был глубоко осознанным. Шесталов, по сути, представляет жизнь сегодняшних манси, но с опережением в 30 лет. Тема, раскрываемая им в повести, для своего времени была актуальна и этим притягивала читателя.

Сходство героя повести «Тайна Сорни-Най» с лирическим героем повести «Синий ветер каслания» состоит в том, что им

свойственны душевные сомнения, переживания. Они стараются не быть похожим на своих соплеменников. Отличие состоит в том, что Сергей Лугуй отказывается от традиционных занятий, он предпочел только современную профессию.

Сходство Сергея с лирическим героем повести «Когда качало меня солнце» выражается в том, что герои интересуются прошлым своего народа.

В целом в выборе главных героев Шесталов не повторяется. В каждой повести через героя он по-своему отображает собственный художественный мир. В процессе творчества писатель часто силой воображения создает психологические ситуации, которых в реальной действительности не было.

В творческом поиске Шесталову удалось с высоты полета своего времени пристально взглянуть на мир и уловить суть происходящего – не только в себе, но и в душе своего современника, во всем сложном и противоречивом мире. Используя свою биографию, даже в повести «Тайна Сорни-най», написанной от третьего лица, он создает лирику, которая проявляется не в отступлениях и мотивах, а становится полновластной хозяйкой всего художественного целого. Ее строй неподвластен объективным причинно-временным связям изображаемой действительности, она точно воспроизводит ассоциативное начало авторской мысли писателя, мозаику его настроений и чувств, рывки воображения и полет фантазии. Это одна из особенностей творчества Шесталова как единого текста.

В целом, ключом к творческой эволюции Ю.Шесталова является становление и динамика его лирического самовыражения. Через сознание, душевные переживания и мысли героев писатель представляет явления и факты действительности, раскрывая тем самым свою идейно-нравственную программу на том или ином этапе творческого пути. В 50-60-е годы его лирический герой воплощает в себе, в первую очередь, черты, присущие целому поколению. В лирике поэта особой любовью овеяно все,

связанное с природой Севера (пейзажи). В 70-80-е годы герой Шесталова предстает, прежде всего, как индивидуальность со своей неповторимой биографией, максимально приближенной к реальной жизни поэта, автор раскрывает переживания детства и юности, присущее ему чувство родственной близости ко всему живому и заботы об окружающем мире. В 90-е годы лирический герой Шесталова обеспокоен судьбой всей планеты. В стихах ощутимы раздумья поэта о человеке и человечестве, о времени, пространстве. Поэт-лирик, проповедник-лирик, пророк-лирик пытается проникнуть в запредельные планетарные и космические тайны бытия. В произведениях последних лет в лиро-эпическом творчестве писателя с особой силой звучали темы любви, жизни и смерти.

Из повестей «Синий ветер каслания» (1964), «Когда качало меня солнце» (1972), «Сначала была сказка» (1984) мы узнаем, что Юван Шесталов остался без матери в восьмилетнем возрасте. Вечная разлука внесла в сердце поэта не только боль и слезы: она оставила воспоминания, озаренные радостью и светом. Одним из ключевых слов, отображающим его сыновнюю любовь, является слово «солнце»: «Она вставала с солнцем. Радовалась солнцу. Была моим солнцем! Хорошо, когда солнце!», она была «первым солнышком в жизни», с нее «начиналась земля» [7, 105]. С солнцем у писателя ассоциируются доброта и забота, свет и тепло, святость и чистота, то есть все качества материнского образа. Образ матери у Шесталова тесно взаимосвязан с мотивом одиночества. Их эволюция прослеживается в преодолении пространственно-временного расстояния, от ностальгии «по детству, которое было наполнено живыми рассказами, песнями, материнской лаской и теплотой бабушки с дедушкой» до надежды «на возвращение к родному очагу» [1, 513].

В литературной критике образ матери, представленный в творчестве Шесталова, недостаточно освещен. Несколько строк отводят этой теме В.Д. Лебедев и В. Косихин.

Не разделяем мнения Косихина о суровости семейных нравов в мансийской семье: «Но вот я читаю одно за другим стихотворения Ю. Шесталова и удивляюсь – сколько любви и нежности, сколько сыновнего чувства! Откуда оно? Известно, насколько просты и подчас суровы семейные нравы в Сибири» [8, 205]. Косихин родился в Сибири, в том же округе, что и Шесталов, но в русской семье. Возможно, он не был знаком с мансийскими семейными нравами. Мансийская семья – это добрые, доверительные отношения: к детям относятся с нежностью, к пожилым – с почтением. Ведущая роль в семье принадлежит старшей по возрасту женщине. Воспоминания детства, представленные в произведениях, раскрывают истоки формирования творческого дара писателя.

Образ матери входит в произведения Ювана Шесталова на начальном этапе творчества. В первом сборнике «Макем ат» (1958) стихотворения о матери – «Обь» (1955) и «Звезды на снегу блистают...» (1955) – несут в себе радостное детское мироощущение, беззаботность, защищенность, они наполнены веселостью, движением, счастьем. Образ матери пока лишен личностных качеств – он ассоциируется лишь с впечатлениями детства:

Сосен мерзлый звон над нами
Слышится в тиши,
Стынут в теплой снежной яме
Три живых Души.

Три души на белом свете:
Мама, я и пес.
Нам уснуть в попутной яме
Не дает мороз [2, 36].

Во втором сборнике «Пойте, мои звезды» (1959) стихотворение «Человек родился» (1956) также посвящено материнской «нежности, радости, печали». Мать, в «снежное ненастье» в муках родившая сына, ищет ответы на волнующий ее вопрос: что такое счастье? Счастье для нее в сыне, который бы в падениях и во взлетах,

в радости и печали смог найти свой предначертанный путь «среди ночи».

В стихотворении-воспоминании «Мать» (1956) у Шесталова впервые зазвучал мотив одиночества, раскрывающий обнаженную душу поэта:

Мать... Взгляд твой помню нежный,
Треск лучины в тишине.
Вихрь в пыли купался снежный –
Ты тепло дарила мне.
Но нагрянуло несчастье,
Омрачился неба взор.
Где ты, синь? Кругом ненастье:
Мать ушла в дремучий бор...
Я, как лист на голой ветке,
Мерз под ветром ледяным.
Дождь колот, осенний, редкий,
Снег летел, я стыл под ним [2, 243].

Поэт открыто говорит о своих сиротских чувствах. Его воспоминания о материнской нежности, тепле родного очага затмеваются горечью утраты. Свое одиночество он сравнивает с одиноким листом на голой ветке, овеваемым осенним холодным ветром и покрываемым ледяным дождем. Одиночество символизируют холод, ненастье, поздняя осень.

Продолжение данного мотива становится устойчивым в дальнейшем творчестве поэта. В «Языческой поэме» стихи первой песни: «Спит в земле моя мать...», «Ты – глаза мои и сердце», «Едва на свет рождается...», «Помню слово матери» наполнены чувствами сыновней любви, несут в себе печаль. Сердце сына, оставшегося без матери, сравнивается с «упавшим орешком в снегу...». Мотиву одиночества вновь сопутствуют холод, снег, зима. В то же время поэт, осознавая, что в его песнях много «слез горючих», в размышлениях «выводит» их на оптимистическую ноту: «Зная горе, счастье ценишь: / Ведь оно берется с бою / Тем быстрее и непременно, / Чем безрадостней былое» [2, 79]. Он радуется, что его сердце стало песней, «а не стало сердце тучей!» [2, 79]. Шесталов уже в начале творческого пути умело выводит

моей мамы, обещая мне дальнюю дорогу в школу...» [4, 180]. Обращение к ночному небу дают ребенку надежду на счастливое детство. Обожествленным образом матери наделяется все пространство, высота, простор. Отметим, что у народа манси обожествленный образ близкого человека призван оберегать покой и здоровье живых людей.

Обратимся еще к одному примеру, раскрывающему языческое мировоззрение народа и истоки позднего творчества писателя. Оставшись без матери, Юван переехал в новую семью отца. Многие ему там было непонятно. Не сложились отношения с мачехой, и однажды он решил бежать из дома. До сих пор он помнит ту морозную звездную ночь, видит себя сиротливо стоящим на краю снежной пустыни, жадно вглядывающимся в бесконечное мироздание:

«— Куда идешь, пыгрись? – раздался голос с ТОРУМА, с Млечного пути. Голос напоминал голос Ась-ойки, бабушки.

– Я иду к маме.

– Мама же твоя умерла. Разве не знаешь?

– Знаю. Мне надо к маме!

Скрипнул снег под ногами. Зазвенел мороз пуще прежнего. И снова тишина. Звездная тишина на всю Вселенную. И кажется, никто не услышит, никто не поймет.

– Ну, иди, иди! – заговорило снова Небо. – Но выдержишь ли ты испытания?...» [5, 286].

Безмолвное холодное небо «заговорило» с мальчиком. Он не испугался, он как будто ожидал этого. Так внутренний диалог с окружающим миром, с ночным мирозданием, свойственный взрослым представителям народа, автор выносит во вне, в пространство. Наделяя голосом Ась-ойки небо, Шесталов подчеркивает святость и его образа.

Одиноко стоящий на краю снежной пустыни герой-автор и «заговорившее» ночное мироздание раскрывают некую взаимосвязь, взаимопонимание Человека и Вселенной. Развитие данной темы мы

будем наблюдать в позднем творчестве писателя.

Отметим еще одну предпосылку последующих этапов творчества Шесталова, сформированную детскими воспоминаниями, – вопросы осмысления человеческого предназначения. Известно, что писатель на протяжении всего созидательного пути ставит перед собой вопросы. Ставит для того, чтобы в кропотливых поисках находить на них ответы. Как показывает настоящее исследование, постановка вопросов осмысления человеческого предназначения берет свое начало в горечи и раскаянии перед святым образом матери: «О, почему я не подошел к ней, моей родной и вечной? О, если бы не стояли у дверей люди в белых халатах! О, если бы я был не так мал и глуп!

Она не позвала меня, не простилась. Она заставила меня всю жизнь вздрагивать. Вспомню – вздрогну. Сердце съжигается. Скорчишься как от стыда, как от боли. Вечный стыд за мою холодность, за мою недогадливость.

А может, она нарочно оставила во мне этого беспокойного духа?

Может она нарочно не простилась со мной, чтобы я всю жизнь чувствовал, что я в долгу перед людьми, как перед матерью?» [9, 27].

В каждом из поставленных вопросов звучит мотив покаяния.

В художественной публицистике образ матери Шесталов раскрывает редкими ностальгическими воспоминаниями. В книге «Сибирское ускорение» он пишет: «Руки матери давно я позабыл, нежную и теплую как пух гусиный, руку. Сердце свое давно я в ветер бросил, давно оно как среди деревьев бьется. О, кажется, оно одеревенело, и кажется, оно оглохло, онемело и никогда уже не услышит ласку и не поведает о чьей-то маме сказку» [10, 14]. В сборнике «Северное притяжение» мы находим такие слова: «Я помню добрый взгляд моей матери. Но не помню ее слез. Был я еще небольшой, когда она ушла в мир иной» [11, 318]. По прошествии долгих лет память сти-

рает многие моменты жизни. Шесталов-публицист – человек зрелых лет. Он опечален своей возрастной «забывчивостью», «одеревенелость» сердца мешает ему творить новые произведения, в которых бы образ матери был одним из главных.

В более поздних произведениях, раскрывающих тему космического и планетарного сознания, образу матери также посвящены отдельные воспоминания. Писатель умело и вдумчиво выходит на неожиданные откровения. Так, в одном из «откровений» он выстраивает стройную цепочку перехода Души матери в новое состояние – в состояние Торума: «Мама лежала в лодке посреди нашего дома. Лодку-гроб смастерили умельцы нашей деревни. Люди всей деревни обрезали волосы и клали в лодку моей мамы. Лодка моей мамы должна будет плыть между льдами холодного океана, чтобы достичь высокого огня Северного сияния. И когда кончится живая вода живой жизни и душу мамы окутают мрак и холод, тогда-то и понадобятся волосы родственников и всех, кто захотел помочь душе мамы достичь «священного места перехода в Торум» – в Божье Царство. Складывая один волосок к другому, душа умершего пробирается сквозь ледяной мрак к Полюсу Возрождения <...> Полюс Нового Рождения – Северный полюс, сжигая в цветных огнях брэнное тело, «выводит Душу» в новое состояние – в состояние Торума – сознание природы, космическое сознание» [12, 66]. Юван Шесталов, как носитель самобытной культуры, правдиво описывает обычаи и верования народа, связанные с обрядом погребения. Действительно, волосы родственников, якобы связываемые между собой, служат умершему неким мостом для достижения «рая»: вечно зеленого мыса, омываемого живой водой. Как видим, на каждом последующем этапе творчества Шесталов вводит в произведения все новые и «углубленные» представления о культуре своего народа. Если в первых его произведениях была больше представлена традиционная среда обитания народа, то в последние

годы акцент делается на его религиозные и философские воззрения.

Как мы видим, образ матери помогает писателю созидать. Одно из его озарений звучит так: «С тех пор моя мама продолжает жить в моем сознании. Приходит, уходит, говорит, советует, указывает на Север. Во сне приходит. Я же не хочу слушать, заливаюсь слезами, упрекаю, что «бросила среди чужих, холодных». Но однажды задумываюсь:

Почему магнитная стрелка
гнется к Северному полюсу?
Почему отважные
рвутся к Северному полюсу?
И прихожу к ОТКРОВЕНИЮ:
На Полюсе Высокого Горения,
Высоко сияние
Высокого духа
Нового рождения» [12, 67].

Строки, посвященные матери, становятся у поэта опорными для рождения новых строк. Им приводятся целые стихотворения или отдельные строки из предыдущих произведений, затем Шесталов-филолог и философ начинает размышлять:

«Один.
Единица.
Колесница слухов,
Магия звуков.
Один – по-русски.
Эдь – по-венгерски.
Ит – по-хантыйски.
Ит.
Эдь.
Один.
Адам.
Отец.
Един
Бог-творец» [12, 66].

В целом, образ матери на современном этапе у Шесталова призван подвести читателя к осмыслению темы космического и планетарного сознания. Как художник слова, в творческом озарении он «душу»

матери наделяет новым состоянием – состоянием Торума. Озарение, как отмечает В. Костецкий, «независимо от характера решаемых проблем, есть момент истины, и именно в этот момент сознание «космично», оно не принадлежит ни автору, ни обществу, ни любому «носителю» сознания» [12, 111]. Наделяя душу матери космическим сознанием, в своем озарении Шесталов способен общаться с ней и тогда он не чувствует себя одиноким ни в творческом искании, ни в жизни. Космическое сознание служит связующей нитью между матерью и сыном. Также многие строки, посвященные матери, становятся у поэта опорными для рождения новых строк.

Итак, отметим, что среди многообразия всех женских образов образ матери Шесталовым возведен на вершину ценностей. Он является наиболее трогательным и грустным, нежным и сердечным. Обращение к образу связано у поэта с детскими воспоминаниями. Сначала его лирические переживания выливаются в произведения, в которых воссоздаются радостные картины детства, затем его воспоминания о материнской нежности, тепле родного очага затмеваются горечью утраты. Устойчивым в творчестве становится мотив одиночества. В 1962-72-х годах, в период творческого подъема, писатель неустанно, ярко и вдохновенно рассказывает о своем народе, художественно осмысливает его неповторимость. Представление идет через образ лирического героя, который, потеряв самого близкого и любимого человека – мать, мучается, страдает и находит спасение в самом себе, в своих озарениях. Он, как истинный

язычник, обожествляет, одухотворяет ее образ, наделяет окружающий мир ее присутствием. «Границы» присутственности образа матери от произведения к произведению расширяются, от «земного», природного пространства они возносятся к бесконечным далям Вселенной.

В творчестве последних лет у Шесталова образ матери представлен грустными, но-стальгическими воспоминаниями взрослого мужчины. И это мы связываем не только тем, что писатель желает подвести читателя к осмыслению темы космического и планетарного сознания, но и тем, что он очень одинок при всем своем окружении. Образ матери был необходим ему для общения, и тогда писатель не чувствовал себя одиноким ни в творческом искании, ни в жизни. Космическое сознание служит связующей нитью между матерью и сыном.

Нами подробно рассмотрено два образа в творчестве Ювана Шесталова. В дальнейшем мы планируем рассмотреть другие образы в произведениях писателя – образ народа, образ возлюбленного. В чем же заключается особенность системы образов? Исследование показывает, что все явления реальности не существуют изолированно друг от друга, а плотно взаимосвязаны между собой. Писатель не создает отдельного изолированного образа, отражая связь и взаимодействие явлений, он создает целый ряд образов, связанных и переплетенных между собой. В каждом произведении представлено множество персонажей, выражающих и раскрывающих в итоге целостную картину жизни родного народа – с его бытом, традициями, культурой.

Литература

1. Каталин Надь. Заметка ко дню рождения // Шесталов Ю.Н. Собрание сочинений. СПб. – Ханты-Мансийск: Фонд космического сознания, 1997. Т.4. С. 513-516.
2. Шесталов Ю.Н. Собрание сочинений. – СПб. – Ханты-Мансийск: Фонд космического Сознания, 1997. Т.1. 480 с.
3. Зелинский К.Л. Октябрь и национальные литературы. М., 1967. 114 с.
4. Черная Г.А. Лирическая проза Ю. Шесталова. Проблематика, особенности жанра // Идеино-стилевое многообразие советской литературы. М., 1982. С. 139-141.
5. Шесталов Ю.Н. Собрание сочинений. – СПб. – Ханты-Мансийск: Фонд космического Сознания, 1997. Т.3. 528 с.

6. Шесталов Ю.Н. Собрание сочинений. – СПб. – Ханты-Мансийск: Фонд космического Сознания, 1997. Т.5. 560 с.
7. Шесталов Ю.Н. Собрание сочинений. – СПб. – Ханты-Мансийск: Фонд космического Сознания, 1997. Т.2. 528 с.
8. Косихин В. Поэтическое каслание. Литературный портрет (мансийского поэта Ю.Шесталова) // Москва, 1972, № 12. С. 204-208.
9. Шесталов Ю.Н. Собрание сочинений. – СПб. – Ханты-Мансийск: Фонд космического Сознания, 1997. Т.4. 416 с.
10. Шесталов Ю.Н. Сибирское ускорение. М.: Советская Россия, 1977. 80 с.
11. Шесталов Ю.Н. Собрание сочинений. – СПб. – Ханты-Мансийск: Фонд космического Сознания, 1997. Т.5. 560 с.
12. Шесталов Ю. Космическое видение мира на грани тысячелетий. – СПб. – Ханты-Мансийск, 2002. С. 66.

References

1. Katalin Nad'. Zаметka ko dnju rozhdenija // Shestalov Ju.N. Sобрание sochinenij. SPb.–Hanty-Mansijsk: Fond kosmicheskogo soznanija, 1997. T.4. S. 513-516.
2. Shestalov Ju.N. Sобрание sochinenij. – SPb. – Hanty-Mansijsk: Fond kosmicheskogo Soznanija, 1997. T.1. 480 s.
3. Zelinskij K.L. Oktjabr' i nacional'nye literatury. M., 1967. 114 s.
4. Chernaja G.A. Liricheskaja proza Ju. Shestalova. Problematika, osobennosti zhanra // Idejno-stilevoe mnogoobrazie sovetsoj literatury. M., 1982. S. 139-141.
5. Shestalov Ju.N. Sобрание sochinenij. – SPb. – Hanty-Mansijsk: Fond kosmicheskogo Soznanija, 1997. T.3. 528 s.
6. Shestalov Ju.N. Sобрание sochinenij. – SPb. – Hanty-Mansijsk: Fond kosmicheskogo Soznanija, 1997. T.5. 560 s.
7. Shestalov Ju.N. Sобрание sochinenij. – SPb. – Hanty-Mansijsk: Fond kosmicheskogo Soznanija, 1997. T.2. 528 s.
8. Kosihin V. Pojeticheskoe kaslanie. Literaturnyj portret (mansijskogo pojeta Ju.Shestalova) // Moskva, 1972, № 12. S. 204-208.
9. Shestalov Ju.N. Sобрание sochinenij. – SPb. – Hanty-Mansijsk: Fond kosmicheskogo Soznanija, 1997. T.4. 416 s.
10. Shestalov Ju.N. Sibirskoe uskorenie. M.: Sovetskaja Rossija, 1977. 80 s.
11. Shestalov Ju.N. Sобрание sochinenij. – SPb. – Hanty-Mansijsk: Fond kosmicheskogo Soznanija, 1997. T.5. 560 s.
12. Shestalov Ju. Kosmicheskoe videnie mira na grani tysjacheletij. – SPb. – Hanty-Mansijsk, 2002. S. 66.